

НИКОЛАЙ ПАНОВ

МЫ СРАЖАЛИСЬ НА БОРТУ «КРАСНОФЛОТЦА»

О ГАЗЕТЕ СЕВЕРНОГО ФЛОТА

1

Ночью нас разбудили настойчивые телефонные звонки. Я вскочил с постели, отбросив укрывавшие меня поверх байкового одеяла черную офицерскую шинель и штатское пальто, в котором приехал из Москвы в Заполярье. Кругом был пронзительный холод — ощущаю его будто и сейчас, вспоминая ту осеннюю ночь 41-го года.

Нас, новых сотрудников газеты «Краснофлотец», поместили в одной из квартир, опустевших после эвакуации из Полярного семей морских офицеров. В Полярном — главной базе Действующего Северного флота — было центральное отопление, но оно почти не работало в первый год войны, в отведенной мне комнатухе вода в стакане зарастала плотной корочкой льда...

— Панов у телефона, — прохрипел я, выбежав в коридор. Со сна я позабыл, что военные моряки обязаны прежде всего докладывать свое воинское звание.

— Товарищ интендант, вас-то мне и нужно, — звучал в мембране усталый голос полкового комиссара Д. Когана — редактора «Краснофлотца». — Приказываю сочинить в «Таран», для праздничного номера, что-нибудь посмешнее. С этого и начнем вашего Эминкина. Жаров прислал Зениткина, Яглинг дает Щукаря. Материал сдадите завтра, не позже двенадцати ноль-ноль.

— Есть сдать материал завтра к двенадцати ноль-ноль! — бодро отрепетовал я и согнулся в приступе неудержимого кашля.

Кашель терзал меня после первого знакомства с жизнью боевого корабля. Командированный «Краснофлотцем» за корреспондентским материалом на эскадренный миноносец «Гремящий», в дни необычно ранних, даже для Заполярья, морозов, я жестоко простудился в своей непривычно легкой шинели. А вернувшись в Полярное, с блокнотами, полными репортерских записей, с вкрапленными в них отдельными строчками стихов, получил приказ готовить к печати «уголок юмора» — «Таран», от причастности к которому упорно открепивались все сотрудники газеты. Прежний начальник «Тарана» писатель Александр Марьямов, уезжая в части морской пехоты на полуострова Рыбачий и Средний, надоумил редактора передать работу над «уголком» мне.

Да, никому не хотелось шутить и смеяться в те первые, трагические месяцы войны! Просматривая «юмористические отделы» фронтовых и флотских газет конца 1941 г., едва ли кто-либо рискнет назвать их смешными. Отнюдь не был юмористичен, в обычном смысле слова, и «Таран»,

опубликованный в праздничном номере североморской газеты. Но в нем, как и во всех материалах, сдававшихся тогда в набор советскими военными журналистами, было главное — твердая, искренняя вера в победу над врагом, уверенность, которую укрепляли героические дела моряков Северного флота.

Вот лежит передо мной ставший хрупким, побуревший от времени экземпляр «Краснофлотца», датированный 7 ноября 1941 г. Борис Яглинг, незабываемый мой фронтовой друг, который с первых же дней приезда на флот органически вошел в быт подводников и создал ряд превосходных очерков об их победоносных походах, писал в своей «Радиограмме подводника Щукаря в день празднованья Октября»:

«Нахожусь в дозоре на Энском море. Оставил сегодня в фашистских водах след, израсходовал немало торпед. В честь Великого Октября ни одной торпеды не выпустил зря. Призываю летчиков и артиллеристов, морскую пехоту и торпедистов — сильнее громите фашистов! Уничтожим фашистскую тварь. С Октябрьским приветом Иван Щукарь».

Кстати сказать, имея родоначальником шолоховского Щукаря, Щукарь Яглинга производил свое имя не от прославленного литературного предка, а от названия наших подводных лодок — «щук», на одной из которых выходил в Баренцево море писатель.

Александр Жаров, он же «Комендор Максим Зениткин», пробывший на флоте некоторое время в начале войны, прислал из Москвы в «Таран» стихотворную телеграмму: «На Север, где снег задушил берега, три пожелания шлю телеграммою: первое — бейте покрепче врага, второе — бейте покрепче врага, третье — то же самое».

Для своего юмористического дебюта я избрал псевдоним «Корней Эсминкин». В дни жизни на борту «Гремящего» вошел я впервые в совершенно новый, необычный для меня мир суровой героики морских боевых походов, осваивал своеобразный язык флажных и световых семафоров. Поэтому октябрьские стихи Корнея Эсминкина были локально озаглавлены «Ясно вижу». Так называется на флоте «ответный вымпел» — небольшой треугольный красный флажок с белым яблоком в центре. Этот флажок был изображен в виде заставки к произведению Эсминкина художником Наумом Цейтлиным, всю войну талантливо проработавшим в нашем редакционном коллективе.

Основные схватки советских военных кораблей шли тогда с авиацией немцев. Поэтому оканчивалось стихотворение так:

Летая к Лондону, к Парижу,
 Был ас фашистский все наглей,
 Но не выносит — ясно вижу! —
 Североморских кораблей.
 И все полны мы верой твердой,
 Что будет сломлен хищный враг.
 Сияй, Октябрь Двадцать Четвертый,
 И разгоняй фашистский мрак!
 Пускай справляет враг поминки
 По тем, кто к нашим землям лез.
 Не будь я ваш Корней Эсминкин,
 Коль не угробим всех «СС»!
 Их залпы меткие пронизут,
 Покроет их вода морей.
 Докладываю: Ясно вижу
 Победу Родины моей!

Все это было в достаточной мере поверхностно и декларативно, писатели, призванные на флот, только еще присматривались к совершенно новой тематике военных будней Северного флота.

Н. Н. ПАНОВ

Фотография С. Г. Шиманского. Северный флот, на борту гвардейского эсминца «Гремящий», май 1943 г.

Собрание С. Г. Шиманского, Москва

На гранитном откосе одной из сопок, в которых пролегли улицы и деревянные трапы Полярного, перед выходом в штормовое Баренцево море, расположилось двухэтажное бревенчатое здание нашей флотской газеты. Здесь с самого начала войны возник дружный творческий коллектив писателей и журналистов. Я глубоко обязан «Краснофлотцу» своим «оморячиванием», начавшимся еще в те далекие, уже почти легендарные дни. В результате газетных командировок, приведших к прочной дружбе с моряками эсминцев, уже в ноябре 1941 г. появился на страницах «Краснофлотца» первый фрагмент поэмы «Баренцево море», законченной и вышедшей в свет отдельным изданием лишь в послевоенное время.

Не видно дыма над большой трубой
И алый гюйс на штоке мирно вьется,
Но знают все:— Идем сегодня в бой!
И закипает сердце краснофлотца.
Снарядов медь легла на звонкий ют,
Тугой брезент отогнут ветром с края...
Вполголоса зенитчики поют,
Замки своих орудий протирая.
И вот уж, нарастая из глубин
Рокочущим, вибрирующим пенем,
Глухое содрогание турбин
Героев наполняет нетерпеньем...

В часы посещения боевых кораблей и землянок морской пехоты, в дни нелегких морских походов накапливался материал и для текущей газетной работы и для будущих книг, о композиции которых не было ни сил, ни времени задумываться в те трагедийные годы.

Перебирая старые документы, нашел я недавно одну из «штурманских справок», строки которой вызывают столько воспоминаний и чувств.

СССР
Нар. Ком. Воен.-Мор. флота
Эскадренный миноносец
«Гремящий»
Северного флота
1 сентября 1944 г.
№ 124

С п р а в к а

Дана капитану административной службы Панову Н. Н. в том, что, участвуя в переходе по встрече эскадры кораблей Северного флота, идущих из Англии, и конвоированья ТР в гор. Архангельск и обратно в Кольский залив, рейд Ваенга, им пройдено на борту гвардейского э/м «Гремящий» С. Ф. 1135,6 миль.

Пом. командира
гвардейского э/м «Гремящий» С. Ф.
капитан-лейтенант Г а в р и л о в

Штурманские справки, выцветшие командировочные предписания, продаттестаты, выправляемые в хозчасти редакции и сдаваемые на камбузы все новых кораблей и частей... Жизнь сотрудника газеты Действующего флота: торопливая диктовка в машинном бюро («во что бы то ни стало сдать в очередной номер!»); дежурства в ночной, затемненной типографии, когда громоздятся перед тобой исчерченные корректорами лоскуты гранок, а краснофлотец-метраншаж терпеливо ждет со сверстанной полосой в руках. Из этой полосы нужно срочно вырвать два-три не уместящихся в ней абзаца или, наоборот, тут же дописать десять очерковых строк — заполнить зияющий рядом с фотоснимком белый квадратик.

Необходимость освоить все газетные жанры (боевое задание редактора — он же командир воинской части!) от передовицы до краткой репортерской заметки, от литературной «зарисовки» до хлесткого «текста» под политической карикатурой. А потом опять — поспешные сборы в дорогу, приход на корабль или в землянку, где подчас замечаешь сперва чуть недоуменные, а может быть, и насмешливые взгляды («что нужно этому очкастому в офицерской шинели, но отнюдь не с офицерской выправкой?»). И как отрадно, добравшись сюда вторично, встретить дружеские рукопожатия и приветы, понять, что опубликованный тобой материал оказался интересным и нужным, что ты не зря отнимал время отдыха у этих измотанных боевыми вахтами героев и читателей твоих корреспонденций!

2

Редакционная почта приносила массу стихотворений — с кораблей, из «кубриков» переднего края, с дальних морских постов, отрезанных от нас грядями сопок и бурной океанской водой. Сотрудник «Отдела писем» аккуратно расправлял сложенные треугольниками, покрытые тесными столбиками неразборчивых строк листки, сложив их стопкой, нес в редакторский кабинет.

Печатать эти стихотворные письма в их первоначальном виде, как правило, было невозможно — среди спотыкающихся ритмов, неточных, беспомощных рифм терялась оригинальная, подчас, образность, большое чувство фронтовиков-североморцев не находило соответствующего художественного выражения.

Александр Васильевич Плеско, в 1942 г. ставший редактором «Краснофлота», сказал мне перед одной из редакционных «летучек»:

— Ты поэт, писатель. Помоги матросам выразить чувства стихами. — Он придвинул ко мне пачку измятых, исписанных карандашом и чернилами листков. — Видишь, сколько их только в последней почте — и в каждой душа человека. Посмотри и реши — что можно выправить и взять на вооружение!

Без особого энтузиазма смотрел я на неразборчивые строки. А. В. Плеско (еще в 1922 г. окончили мы с ним Московский институт журналистики, а потом расстались на долгие годы, чтобы неожиданно встретиться на Северном флоте, в годы войны) сказал, поглаживая широкую русую бороду, усмехаясь своей обычной, немного язвительной, улыбкой.

В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «КРАСНОФЛОТЕЦ»

Слева направо: стоят — А. М. Брагин (зав. редакцией), Н. Н. Панов (поэт), В. К. Ковалев (нач. отдела информации), И. И. Миткалев (нач. издательства), Н. Г. Флеров (поэт), А. А. Петров (спец. корреспондент); сидят — Н. И. Цейтлин (художник), А. В. Плеско (отв. редактор), А. С. Коломийцев (нач. боевого отдела), П. В. Синцов (нач. отдела пропаганды), И. Д. Сахновский (отв. секретарь), П. М. Григорьев (спец. корреспондент)

Фотография Е. А. Халдея. Северный флот, г. Полярное, лето 1942 г.

Литературный музей, Москва

— Иди, иди, работай. Товарищ капитан, рассматривайте это как боевое задание! — На место врученных мне писем он положил еще влажный оттиск полосы вчерашнего номера «Краснофлотца», подчеркивая этим завершение разговора. — Сегодня подпишу приказ о назначении вас начальником литературного отдела — и чтобы у Сахновского всегда были в загоне два-три стихика матросов и старшин!

Приказ есть приказ! На столе у Сахновского — немногословного, великолепно работавшего, чуть иронического ответственного секретаря газеты — всегда с той поры лежали готовые к набору стихи.

Разумеется, дело было не только в приказе. Меня увлекла творческая задача — помочь начинающим авторам с боевых кораблей, из подразделений морской пехоты дать выход в печатном слове обуревавшим их поэтическим настроениям.

Вот, например, с какой припиской пришло к нам, в ноябре 1942 г., одно из опубликованных после соответствующего «дотягивания» стихотворений:

«Я — рядовой краснофлотец Северного флота А. Юрьев, в прошлом рыбак, помор с побережья Белого моря. Перед выполнением боевого приказа командования задумал я написать моим детям письмо в стихах. Но я раньше никогда стихов не писал и не сочинял. И товарищи мне посоветовали направить их в вашу редакцию для обработки. Вот была бы для меня радость, если бы вы напечатали их в газете и я смог бы послать детям вырезку!»

Если перелистать комплекты «Краснофлотца» за военные годы, можно прочесть десятки и сотни поэтических выступлений людей, большинство из которых так и остались «авторами одного стихотворения». Но вместе с тем встают со страниц газеты писательские имена, широко известные и за пределами Заполярья.

Периодически печатались в «Краснофлотце» Василий Лебедев-Кумач, Александр Жаров, Юрий Герман, Александр Марьямов, Борис Яглинг, Макс Зингер. Почти с первых месяцев войны работал в штате редакции Николай Флеров, поэтический путь которого начался еще на Балтике, в довоенные годы.

Много времени проводил Флеров на боевых кораблях. Как забыть милостивую нашу встречу посреди туманного, ветреного Иокангского рейда! С борта «Гремящего», шедшего из Белого в Баренцево море, я увидел на мостике лидера «Баку» моего соратника по «Краснофлотцу». В карманах наших кителей лежали «командировочные предписания» газеты. «Баку» уходил для randevu с океанским конвоем.

Борис Лавренев приехал на Северный флот — собирать материал для новой, задуманной им пьесы — и сразу же зашел в редакцию «Краснофлотца». На очередной «литературной среде» (такие «среды» одно время систематически проводились в кабинете редактора нашей газеты) он прочел первый вариант пьесы о севастопольцах «И клятву верности сдержали». А немного спустя я встретил Бориса Андреевича на верхней палубе базы торпедных катеров и катеров-охотников «Ветер». На этом корабле писатель создавал очерки о боевых подвигах североморцев. Приятно было написать впоследствии на авторском экземпляре «Боцмана с „Тумана“», подаренном автору прославленного «Разлома»:

Поскольку в лаврах Лавренева
Матросской славы отблеск есть,
Здесь многое для вас не ново:
Морской язык, морская честь.
Пусть вам напомнят главы эти
Полярный ледяной причал,
Гостеприимный, старый «Ветер»,
Где я вас некогда встречал.

Поэт Александр Ойслендер приехал в Полярное еще в довоенные дни и с первых же мгновений боев стал давать на страницы газеты публицистические стихи, песни, броские стихотворные лозунги. Его перу принадлежат почти афористические двустишия, ставшие знаменитыми на Северном флоте: «Храня родные берега, по-космачевски бей врага!» и «Удел врага всегда плачевный, когда стреляет Поночевный». Ойслендер вновь и вновь приносил в редакцию лирические стихи, вошедшие впоследствии в книги поэта, и в то же время обдумывал стихотворные «шапки» для «Краснофлотца». Наравне с другими поэтами Северного флота он делал стихотворные подписи к плакатам «Окна „Полярной Правды“», которые печатались в разрушаемом непрерывными бомбежками Мурманске.

Работал в штате нашей газетной типографии застенчивый, тихий морячок, подводник и морской пехотинец Дмитрий Ковалев. Первое же стихотворение, предложенное им в печать, покорило нас лирической силой, своеобразным выражением поэтической мысли. И сейчас, встречаясь в Москве с поэтом Ковалевым, опубликовавшим уже не один сборник стихов, всегда вспоминаю я его лирику тех суровых фронтовых лет.

Недавно прочел я книгу новелл Николая Котыша «Полярные зори», опубликованную одним из центральных издательств. Первое произведение Н. Котыша — талантливая баллада — было прислано нам в те военные дни с базы морских летчиков флота.

Как-то среди переданной мне поэтической почты обнаружил я конверт-

треугольник, пришедший из подразделения морской пехоты с полуострова Рыбачий. Так попала к нам ставшая впоследствии широко известной песня Николая Букина «Прощайте, скалистые горы». Тогда, летом 1942 г., еще рано было прощаться со скалистыми горами нашего полярного фронта. Поэтому, сдавая стихотворение в набор, мы вынесли в заголовок строчку: «Я знаю, не жить мне без моря»... С тех пор Николай Букин прочно вошел в авторский актив североморской газеты...

Однажды, сидя в кубрике эскадренного миноносца «Разумный», только что пришедшего на Север с Тихого океана, я услышал от матросов, что на корабле есть собственный начинающий поэт, радист Микрюков. Врученная мне Микрюковым изрядно потертая, в потрескавшемся клеенчатом переплете «общая тетрадь» оказалась своего рода стихотворным дневником, лирическими записями о пережитом и прочувствованном во время океанских плаваний. Имя моряка-дальневосточника появилось в поэтическом разделе нашей флотской газеты. И радостно было встретить в 1959 г. на Пленуме Союза писателей в Ленинграде майора Михаила Микрюкова, известного на Балтике поэта, подготовившего к печати новый сборник стихов.

А сколько молодых дарований, лирических свежих голосов, прозвучавших в военные дни, так и не смогли развиваться в дальнейшем! Вспоминаю: краснофлотца-артиллериста Ивана Ручия, автора превосходных лирических стихов, штурмана с «Гремящего» Емельяна Иващенко, зенитчика с дальнего морского поста Петра Одинокова, разведчиков с полуострова Рыбачий Анатолия Кремнева и Ивана Бородина... От Ивана Ручия, которого часто печатал «Краснофлотец», я получил последнюю весточку — торопливым почерком написанную открытку — из-под Сталинграда, куда поэт ушел с отрядом морской пехоты... Последнее письмо Одинокова пришло ко мне после Дня Победы — одаренный поэт все еще служил в Заполярье. Не мне одному запомнилось небольшое его стихотворение, опубликованное на страницах «Краснофлотца» в труднейшие военные дни:

Где и как рождалась песня,
Я не знаю, не слышал.
Может, в высях поднебесья,
Может, здесь — у серых скал.
Или, может быть, в походе,
В штыковом, лихом бою —
Только знаю, что в народе,
В дорогом моем краю.
Только знаю — сила духа,
Злая ненависть к врагам,
Родила такого друга
И послала в помощь нам.

Изредка появлялся в редакции «Краснофлотца» шумливый, длинноногий Ярослав Родионов, поэт-песенник, числившийся в штате Ансамбля песни и пляски Северного флота. Неустанно, с большим успехом, ансамбль выступал на североморских боевых кораблях, перед бойцами морской пехоты, перед иностранными моряками пришедших через океан караванов. Стихи Родионова, музыку к которым создавали флотские композиторы Евгений Жарковский и Борис Терентьев, не часто появлялись на страницах нашей газеты. Но когда мы узнали однажды, что поэт погиб при налете вражеской авиации, смерть эта была воспринята, как гибель близкого друга.

Так же трудно было примириться с мыслью о гибели Александра Мацевича, веселого, талантливое очеркиста газеты «Красный флот». Мацевич ходил в Баренцево море на подводных лодках и не вернулся из одного боевого похода...

3

«Ежедневная краснофлотская газета должна была быть в эту лихую пору особенно доходчивой и яркой, чтобы ее слово поднимало у моряков священные чувства любви к своей Родине, преданности партии, ненависти к врагу. На живых, убедительных примерах следовало воспитывать у бойцов храбрость, стойкость, мужество, отвагу», — вспоминает один из редакторов «Краснофлотца» в военные годы — А. А. Дивавин.

Таких живых, убедительных примеров было более чем достаточно в боевой жизни Северного флота. И писатели, служившие в «Краснофлотце», наравне со своими соратниками и друзьями — флотскими журналистами — все силы и способности отдавали тому, чтобы отразить на страницах матросской газеты легендарную герошку тех дней. О подвигах подводников-североморцев писали, главным образом, Борис Яглинг, Александр Марьямов, Алексей Петров. О бойцах морской пехоты — ветеран «Краснофлотца», журналист и поэт Андрей Петров, Петр Синцов, Александр Марьямов. О летчиках — Юрий Герман, Павел Григорьев, Илья Самойлов (Фейнберг), ставший, кстати сказать, в послевоенные годы одним из видных пушкинистов...

В конце лета 1941 г. весь флот был взволнован полным самоотверженной героики боем североморского сторожевого корабля «Туман» с тремя эсминцами фашистов. В газетах появились тогда лишь скудные, хроникальные сообщения об этом бое. Более красочно и подробно впервые описал этот подвиг, по горячим следам событий, писатель Павел Барто на страницах литературного сборника «Слава бесстрашных», издававшегося в Полярном силами сотрудников «Краснофлотца», с гравюрами на линолеуме художников В. Бибикова, А. Кольцова и А. Меркулова.

Бой этот поразил мое воображение. Я попросил редактора газеты дать мне возможность разыскать оставшихся в живых моряков с «Тумана», чтобы собрать материал для повести, задуманной мной.

Это было нелегкой задачей. В Заполярье шли тяжелые бои, спасшиеся с «Тумана» краснофлотцы — их было около сорока человек — уже служили на других кораблях, а некоторые ушли в морскую пехоту.

Мне дали командировку на борт базы катерников — теплохода «Ветер» (в «Боцмане с „Тумана“» получившего название «Вихрь»).

Там, в отдаленной, окруженной отвесными скалами бухте, встретил я рулевого Семенова — одного из героев подвига «Тумана». Только что вернувшийся с успешной боевой операции, как-то особенно взволнованно и страстно рассказал мне Семенов о перипетиях неравного боя с немецкими кораблями.

В Полярном мне довелось сдружиться с рыбаком-разведчиком Степаном Мотовилиным, слава о бесстрашных походах которого в гитлеровские тылы уже распространялась на флоте. И снова командировка — к морским пехотинцам, на Рыбачий и Средний. Я жил в землянках разведчиков Юневича и Грачева, в результате этой поездки написал серию очерков, печатавшихся в «Краснофлотце» под характерным для того времени заглавием: «Берег недорезанных фрицев».

В занесенных снегами землянках, среди ребристых базальтовых скал, удалось мне разговаривать еще с несколькими участниками подвига «Тумана». Слово за словом записывал я их простые, задушевные рассказы. Я наблюдал боевую работу этих людей и отчетливой вырисовывались в воображении образы будущей книги: боцмана-следопыта Сергея Агеева, смелого и прямодушного старшего лейтенанта Медведева, веселого, легкомысленного сигнальщика Фролова. Первоначальный вариант «Боцмана с „Тумана“» — повесть «Мститель с „Тумана“» — печатался в «Краснофлотце» «из номера в номер» летом 1943 г.

Жизнь редакции «Краснофлотца», типы военных журналистов тех далеких, романтических дней попытался я описать на страницах «Повести о двух кораблях» — первой книги романа «Колокола громкого боя». Редактор флотской газеты — собирательный образ редакторов «Краснофлотца», с которыми довелось мне работать. Суровый и душевный майор, к которому после возвращения с моря приходит Калугин, — почти точная копия, как мне кажется, А. С. Коломийцева, бессменного начальника боевого отдела «Краснофлотца».

«Маленький, быстрый, вечно улыбающийся, отчаянно-храбрый» редакционный фотограф Венчук — это, конечно, Николай Федорович Веринчук, хорошо известный читателям военных газет и журналов. Он был сотрудником центральной газеты «Красный флот», но регулярно давал фотоснимки и в нашу газету. Его можно было встретить то на аэродромах, то на базе подводных лодок, то на палубе того или другого уходящего в море корабля. Потом Веринчук уединялся в лаборатории нижнего этажа нашего деревянного, поскрипывавшего от старости дома — и на газетных полосах появлялись выразительные снимки, как бы еще пахнущие штормовым ветром, порохом артиллерийских боев.

Другой персонаж «Повести о двух кораблях» — Леонид Кисин. В этом образе сплавились, как кажется мне, черты многих журналистов, писателей-фронтовиков, с которыми я встречался в военные годы. Вспоминаю всегда подтянутого, сдержанного Андрея Петрова, участвовавшего в десантной операции североморцев. Он вернулся из похода как всегда внешне невозмутимый, чтобы сразу засесть в партийном отделе газеты за обработку материала о подвигах политработников морской пехоты.

Вспоминаю нервного, подвижного Николая Михайловского, приехавшего на Север в качестве корреспондента одной из центральных газет, улыбавшегося всем сквозь толстые стекла съезжавших с носа очков. Он участвовал в обороне Таллина и Ленинграда, тонул на Балтике, был участником многих трагедийных событий... Встают в памяти: Борис Яглинг, всегда носивший с собой в туго набитой кожаной полевой сумке стопку фронтовых дневников, хрупкий, болезненный с виду Владимир Рудный, умудрявшийся добираться до самых отдаленных морских постов, давая оперативные очерки, накапливая материал для будущих книг. Вспоминаю Г. Новогрудского, Е. Саблина, Г. Бутикова, А. Брагина, А. Дунаевского, А. Журавлева, деливших с нами все радости и трудности газетной работы.

Для всех нас, — и числившихся во время войны в кадрах Северного флота и приезжавших в Заполярье с «Большой земли» на более или менее длительный срок, — редакция «Краснофлотца» была своего рода творческим центром, штабом флотских художественных сил. Сюда, как в родной дом, приходили иллюстраторы наших произведений, авторы броских плакатов и остроумных сатирических рисунков — Н. Цейтлин и А. Кольцов. Без творческого труда художников Северного флота, так же как без отличных снимков Н. Веринчука, С. Шиманского, Е. Халдея и других фотокорреспондентов не обходился ни один номер североморской газеты.

Неоднократно навещаая Заполярье в послевоенные годы, в первый же день приезда переступал я порог редакции, в коллективе которой встречал все меньше писателей и журналистов, работавших здесь в военные годы. Но каждый раз охватывало меня волнующее чувство, что переступаю коминге старого нашего боевого корабля «Краснофлотец», на борту которого сражались мы оружием слова, стремясь любой номер газеты сделать снарядом, нацеленным в лагерь врага.